

Такая завидная у него судьба: одно имя Геннадия Хазанова, объявленное конференсе, вызывает аплодисменты в зале, одно появление на эстраде — заметное оживление, а первые произнесенные слова — смех. Даже если ничего смешного он еще не сказал. Сидящим в последних рядах может показаться, что артист полностью разделяет эту неумную зрительскую восторженность, в середине зала — что он покорно принимает ее, но вблизи... Вблизи, в тот момент, когда и на смешное, но чаще на иронически печальное, сказанное им, возникает лишь одна реакция — смех, видишь грустные глаза Хазанова, грустную его улыбку.

Конечно, он рад этому смеху, и оживлению, и аплодисментам — рад тому, что его принимают...

ПУСТЬ БУДЕТ СМЕХ...

Наш собеседник
артист эстрады
Геннадий ХАЗАНОВ

— Но есть критерий оценки, который гораздо выше для меня, — понимание. Понимание и серьезное отношение к проблемам, поднятым на языке комического. Пусть будет смех — мой жанр обязательно предполагает его. Но мне бы не хотелось, чтобы зрители посмеялись и разошлись. Мне бы хотелось, чтобы они задумались, над чем, собственно говоря, смеялись. Иначе мое пребывание на эстраде бессмысленно.

— Вы упоминали о жанре, в котором выступаете. Скажите, пожалуйста, как вы сами определяете свой жанр? — Его часто называют разговорным. Но я не очень точно понимаю это кем-то придуманное определение — разговорный жанр. Что это такое? Жанр, в котором че-

ловек не поет, не танцует, а говорит? Но говорит и диктор, и чтец, хотя их никто не называет артистами-«разговорниками». Я вообще очень осторожно отношусь к жанровым определениям. Стоило мне в свое время обратиться к пародиям, как на меня тотчас повесили ярлык — «пародист». Было такое?

— И это неверно?

— Это не совсем верно. Дружеские шаржи, попытки имитации — было. А пародия — особый жанр. Она всегда предполагает насмешку. Пусть тонко исполненную, изящно поданную, но насмешку. Делать пародий на людей непопулярных — кому это интересно? А пародировать очень популярных — сложно. Потому что искусство это требует и боль-

шого мастерства, и большой тактичности. Мне кажется, что сегодня настоящая пародия осталась лишь в литературе, и то в небольшом объеме. А на эстраде ее нет.

— Вы сожалеете об этом?

— Да. И вот почему. У нас сегодня существует стереотип пародии. Пародистом считается человек, который говорит чужим голосом. Но что же получается? Люди занимаются лишь эксплуа-

ти пародиста. И тот попросту становится похожим на объект своей пародии, начинает его копировать. Мне же кажется, нужно не копировать, а впитывать в себя все лучшее, что есть в этом человеке. Только тогда можно стать артистом в жанре юмора и сатиры. Именно так я склонен определить жанр, в котором работаю. Все мои монологи, моносцены, фельетоны, пожалуй, в этом жанре и решены.

— Эти монологи и моносцены пишут специально для вас или же вы просто отбираете то, над чем интересно работать?

— У меня несколько авторов. Основной — Аркадий Хайт. С ним я работаю больше всего. Пишут для меня еще ленинградец Семен Альтов и москвич Леон Измайлов. За исключением этих трех, у меня ни с кем ничего не получается.

— Чем вы это объясняете?

— В первую очередь, конечно, талантливостью тех, с кем работаю. Но не только. Жванецкого, например, блестящим не назовешь, он очень интересный сатирик. Можно привести и другие примеры. Но помимо дарования автора и исполнителя необходимо еще, чтобы оба они были настроены на одну волну. Именно этим и объясняется мое содружество с Хайтом, Альтовым и Измайловым. Они хорошо чувствуют каждого моего героя, каким бы он ни был.

— Вы говорите — герои. А некоторых из них, своих героев, вы не можете назвать «масками»? Как вы относитесь к маскам на эстраде?

— Я понимаю, к чему вы клоните. Но сначала о маске вообще. У нее есть такое свойство: маска максимально помогает запоминаемости артиста, и маска — первый символ его гибели. У меня к ней свое, сугубо личное отношение — только отсутствие одной, даже самой яркой маски. Только отсутствие ее помогает артисту удержаться на эстраде.

— Бывает так, что пародируемый объект, если он талантлив — а он непременно должен быть талантлив, иначе и пародировать его ни к чему, — начинает душить

Индивидуальность — да. Маска — нет. Конечно, она быстро поднимает артиста на щит, но как она капризна... Нет, я бы не хотел, чтобы одного из моих героев — заметьте, одного из — студента кулинарного техникума сочли маской Хазанова. Вас ведь он интересовал?

— Он тоже. И, мне бы не хотелось, чтобы это прозвучало безаппетно, именно потому, что этот безобидный, очень честный, искренний, один из тех героев, которые в русской классической литературе были названы «маленькими людьми», вдруг стал анекдотической фигурой.

— Скажем проще — героем анекдотов. Я знаю это, и мне очень больно. Поверьте, я ничего не делал, чтобы это произошло. Это налетело, как тайфун. И самое обидное, что из этого человека сделали почти дебильное существо. А он добр и наивен, он незащищенный человек. Помните, в одной из моносцен он, попав в нелепую ситуацию, просит налить «еще супу». Но он так себя ведет не потому, что он полный идиот, а потому, что не знает, как выбраться из ситуации...

Сейчас готовлю моноспектакль «Мелочи жизни». Автор — Аркадий Хайт. В спектакле вновь появляется студент кулинарного техникума, появляются и другие герои. Хотелось бы, чтобы зрители не только посмеялись, увидев пьяничку или, например, взятчику, но в первую очередь «нащупали» причины, которые порождают существование этих явлений. Мы попробовали усилить социальные ноты, заострить ситуацию, показать обывателя в самом страшном смысле этого слова. Боюсь только, как бы многие не отгородились от наших персонажей. А это может произойти, потому что идут они на концерт только затем, чтобы посмеяться. Больше они сами себе противопоказывают...

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.